

И. В. Нетушил

Обзор римской истории

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
И11

И11 **И. В. Нетушил**
Обзор римской истории / И. В. Нетушил – М.: Книга по Требованию, 2013. –
414 с.

ISBN 978-5-8852-8703-6

ISBN 978-5-8852-8703-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

I. Эпоха царей.

§ 1. *Семеро римскихъ царей.* Цицеронъ съ гордостью указывалъ на то, что нѣтъ народа, который, подобно римлянамъ, зналъ бы исторію своего прошлаго не то что съ основанія города, но даже съ самаго момента зачатія своего родоначальника. И дѣйствительно, римская традиція, представленная особенно у Ливія, Діонисія Галикарнасскаго, Плутарха, изображаетъ не только начальныя времена республики, но даже и эпоху царей въ такомъ видѣ, какъ будто въ рукахъ еще позднѣйшихъ поколѣній находились документальныя данныя, сохранившіяся непрерывно отъ временъ Ромула. А между тѣмъ самое искусство писать могло быть усвоено римлянами не ранѣе конца царской эпохи, а городская лѣтопись понтификовъ возникла только уже при республикѣ, самое раннее съ 464 года. Отсюда слѣдуетъ, что по крайней мѣрѣ матеріалъ первыхъ двухъ книгъ Ливія нуждается въ тщательной оцѣнкѣ; въ значительной степени, въ виду засвидѣтельствованной скудости первоначальной лѣтописи, критическое отношеніе къ матеріалу Ливія необходимо также и во всѣхъ прочихъ книгахъ первой декады. Вопросъ о достовѣрности древнѣйшей римской исторіи составляетъ одну изъ самыхъ любопытныхъ частей историографіи всѣхъ вѣковъ не только самъ по себѣ, но еще болѣе потому, что на почвѣ этого именно вопроса, главнымъ образомъ, возникъ и выработался современный критическій методъ въ исторіи. При этомъ, конечно, не удивительно, если результаты критической оцѣнки матеріала древнѣйшей исторіи Рима въ трудахъ различныхъ изслѣдователей оказываются нерѣдко очень различными, какъ въ общемъ, такъ въ особенности въ отдѣльныхъ частяхъ*).

На римскомъ Капитоліи стояли древнія статуи римскихъ царей, причемъ однимъ изъ нихъ являлся соправитель Ромула сабинянь Т. Тацій. На этихъ статуяхъ въ наиболѣе древнемъ нарядѣ (безъ тупики подъ тогой) были изображены Ромуль и Т. Тацій, въ наиболѣе позднемъ (съ коль-

*) См. литографированное изданіе «Римская исторія. Введеніе къ лекціямъ по римской исторіи» § 8 сл.

цомъ на рукѣ)--Нума Помпилій и Сервій Туллій. Изъ послѣдняго обстоятельства видно, что поколѣніе, создавшее эти статуи въ эпоху самнитскихъ войнъ, представляло себѣ, какъ Сервія Туллія, такъ и Нуму Помпилія, самыми младшими въ ряду прочихъ 8 царей. Между тѣмъ въ личной традиціи о царскомъ періодѣ, сложившейся въ данномъ вопросѣ также еще до появленія труда перваго анналиста Фабія Пиктора, Нумѣ Помпилію отведено уже второе мѣсто, вслѣдъ за Ромуломъ. Стало быть, мы имѣемъ здѣсь дѣло съ двумя разными опредѣленіями хронологической послѣдовательности римскихъ царей, существовавшими въ IV и III в. у самихъ римлянъ, изъ которыхъ первое, представленное статуями, по видимому, нѣсколько древнѣе второго. Общее обоимъ царямъ, Нумѣ Помпилію и Сервію Туллію, могшее создать представленіе о нихъ, какъ о младшемъ поколѣніи царей, заключается въ томъ, что ихъ имена тѣсно связаны съ основами государственнаго быта именно республики на почвѣ сакральнаго и политическаго строя: въ этомъ смыслѣ оба царя являлись какъ бы воплощеніемъ реальныхъ фактовъ исторической дѣйствительности, въ отличіе отъ прочихъ царей, какъ представителей эпохи, цѣлкомъ отошедшей въ область воспоминаній. Для насъ, однако, важнѣе то, что традиціонный образъ Нумы Помпилія носить на себѣ черты исключительно сакральнаго царя (*rex sacrosum*) и въ этомъ видѣ онъ могъ сложиться не ранѣе времени республики. На начальныя времена республики указываетъ и характеръ календаря Нумы, всецѣло построенный на ученіи Пивагора о числахъ.

Если же удалимъ Нуму съ традиціоннаго второго мѣста, то къ Ромулу будетъ примыкать непосредственно Туллъ Гостилій. А оба эти царя изображаются въ преданіи какъ бы двойниками: многое такое, что приписывается одному, такъ или иначе присваивается и другому; разграниченіе обоихъ еще въ наличной традиціи недостаточное. Наибольше существенное различіе между обоими, въ видѣ индивидуальной черты каждаго, заключается въ томъ, что Туллъ Гостилій является завоевателемъ Албалонги, въ то время какъ съ именемъ Ромула связывается веентская война и завоеваніе семи паговъ на правомъ берегу Тибра съ прилегавшими соляными промыслами. Однако, споръ съ веентянами изъ-за территоріи съ салинами возникъ и рѣшался только въ теченіе перваго столѣтія республики, а въ связи съ этими событіями только и могъ сложиться образъ Ромула, мифическаго представителя затибрской *tribus Romilia*, какъ защитника тамошней области. Въ основателя города и родоначальника римлянъ Ромуль превратился потомъ подъ вліяніемъ греческихъ воззрѣній о городской общинѣ, съ одной стороны, и созвучія словъ *Romulus* и *Roma*, съ другой. Въ противоположность къ этому завое-

ваніе Албалонги составляет фактъ несомнѣнно глубокой древности. Вслѣдствіе этого во главѣ устнаго преданія римлянъ должно быть поставлено не имя Ромула, а имя Тулла Гостилія.

Традиція о четвертомъ царѣ, Анкѣ Марціи, обнаруживаетъ двоякую струю. Съ одной стороны, это такой же сакральный царь, какъ и Нума Помпиль, а, слѣдовательно, относится уже ко временамъ республики. Съ другой стороны, Анкъ появляется въ роли устроителя казенныхъ соляныхъ промысловъ на лѣвомъ берегу Тибра около Остіи. Также и въ этомъ пунктѣ отражаются историческія условія перваго столѣтія республики, когда римляне, потерявъ промысла на правомъ берегу, должны были сосредоточить свое вниманіе на лѣво-бережныхъ промыслахъ и озаботиться для ихъ безопасности устройствомъ колоніи въ Остіи.

Такимъ образомъ, изъ первыхъ 4 царей одинъ только Туллъ Гостилій, по содержанию связаннаго съ его именемъ сказанія объ Албалонгѣ, дѣйствительно принадлежитъ къ той именно эпохѣ, къ которой приурочила его традиція, т. е. ко времени, предшествовавшему этрусскому владычеству. Остальные три царя: Тарквиній Старшій, Сервій Туллій и Тарквиній Гордый являются представителями уже этрусской эпохи. Однако, изъ обоихъ Тарквиніевъ дѣйствительно историческою личностью можетъ быть признанъ только Тарквиній Гордый, въ то время какъ Тарквиній Старшій (вѣрнѣе: «прежній» -- Priscus) простая археологическая фикція, основанная на представленіи о томъ, что, кромѣ послѣдняго Тарквинія, раньше были и другіе («прежніе»): Что же касается Сервія Туллія, то онъ несомнѣнно принадлежитъ къ этрусской эпохѣ, но, повидимому, совсѣмъ въ другомъ видѣ, чѣмъ это изображаетъ традиція.

Во всей традиціи о царяхъ наиненѣе надежнымъ элементомъ является хронологія. Первые достовѣрныя хронологическія даты появляются только на рубежѣ царской и республиканской эпохъ: битва при Ариціи въ 508 г. и освѣщеніе храма капитолійскаго Юпитера въ 507 году. Последняя дата была отождествлена съ первымъ годомъ республики. Относительная же года основанія Рима сами римляне сперва гадали на разные лады. Первый анналистъ Фабій Пикторъ принималъ 747 г. (ol. 8,1), Цинцій Аліментъ 728 (ol. 12,4), Энній 884. Последняя дата заимствована у греческаго писателя Тимея (Dion. 1,74), сопоставлявшаго годъ основанія Рима съ датой основанія Карфагена. Только уже со времени Полибія и Катона установилась болѣе или менѣе опредѣленная цифра, по первому--750 (ol. 7,2), по второму—751 (ol. 7,1). Наконецъ, Варронъ передвинулъ дату Катона еще на два года, соотвѣтственно такому же перемѣщенію даты учрежденія республики, съ 507 на 509 годъ ради синхронизма изгнанія римскихъ царей (510) съ изгнаніемъ афинскаго тирана Гиппія, сына

Писистрата. Основаніемъ для опредѣленія общей суммы лѣтъ для всей царской эпохи послужилъ расчетъ по количеству поколѣній, по 3 на каждое столѣтіе, такъ что для 7 царей, какъ представителей 7 поколѣній, получилось бы всего 233 года, что у Фабія округлено до 240. Взамѣнъ этой цифры Полибій принялъ 243 года, ради уравненія съ греческими хронологическими теоріями (по Аполлодору), основанными на датѣ разрушенія Трои. Съ своей стороны Катонъ принялъ во вниманіе еще и годъ междущарствія между Ромуломъ и Нумой, что и составило ходячую сумму 244, удержанную также и эрой Варрона (Liv. 1,60,3). Эру Варрона принялъ и Ливій, въ то время какъ его современникъ, Діонисій Галикарнасскій, придерживается еще Катона (считая годомъ основаніи Рима *ol.* 7,1).

Итакъ, традиція о царяхъ недостоверна. Однако, возникаетъ вопросъ, слѣдуетъ ли намъ успокоиться на простомъ отрицаніи, и не имѣется ли въ нашемъ распоряженіи какихъ-либо данныхъ о сужденіи объ этихъ отдаленныхъ временахъ. Полагаю, что, не говоря объ этрусскомъ владычествѣ, даже для доисторической эпохи можно извлечь кое-какіе выводы изъ матеріала, заключающагося въ языкѣ, въ бытовыхъ условіяхъ и въ топографическихъ данныхъ, въ связи съ нѣкоторыми результатами археологическихъ раскопокъ.

1. Доисторическіе вопросы.

§2. *Происхожденіе римлянъ.* Римскій народъ первоначально состоялъ только изъ населенія небольшой территоріи на нижнемъ теченіи Тибра, принадлежавшей городу Риму и называвшейся поэтому «римской землей» (*ager Romanus*). Но языкъ римскаго народа называется латинскимъ, потому что римляне составляли отдѣльную часть латинскаго племени, занимавшаго область, также въ общемъ не особенно обширную, по морскому побережью, къ югу отъ устья Тибра до изгиба за мысомъ Цирцеи, оканчиваясь здѣсь Таррациной: эта область и называется Лаціемъ (древнимъ, *Latium vetus*). Въ свою очередь латинское племя, по даннымъ языка, представляло собою одну изъ отраслей обширной группы италійскихъ народовъ. Подлѣ Таррацины, по морскому берегу, къ латинамъ непосредственно примыкали аврунки (*Aurunci*), родичи великой сабелло-самнитской отрасли (*Sabelli, Samnites*), занявшей всю среднюю и южную часть Италіи, за исключеніемъ калабрійской оконечности, гдѣ сидѣло племя мессапійевъ (*Messapii*), родственное съ иллирійскимъ населеніемъ на противоположномъ берегу Адриатическаго моря.

Внутри страны предѣльная черта стараго Лація тянулась приблизительно параллельно съ морскимъ берегомъ отъ Таррацины вверхъ къ

къ Аніену, лѣвому притоку Тибра, гдѣ крайней съ востока латинской общиной являлся городъ Пренестъ. За этой чертой къ аврункамъ, позади Таррацины, въ горахъ примыкали вольски (Volsci); далѣ сидѣли герники (Hernici) и эквы (Aequi) и, наконецъ, сабины (Sabini), охватывавшіе съ с.-в. стороны латинскую область такимъ образомъ, что сабинскій элементъ составлялъ весьма значительную примѣсь даже на римской территории между Аніеномъ и Тибромъ, подходя въ этихъ мѣстахъ, позади переправы черезъ Аніенъ около Антемнъ, на такое близкое разстояніе отъ Рима, которое даетъ возможность видѣть историческое зерно и въ преданіи о сабинскомъ населеніи на Квириналѣ. Земли аврунковъ, вольсковъ, герниковъ и эквовъ въ послѣдствіи составили дополнительную часть Лація (Latium adlectum).

За Тибромъ, вдоль морского берега, въ историческія времена жили этруски (Etrusci, Tusci, Etruria), а подлѣ нихъ, въ горахъ, а нѣкогда и далѣ вплоть до Адриатическаго моря, размѣстились умбры (Umbri), сильно сократившіеся еще на зарѣ римской исторіи подъ натискомъ сперва этрусковъ, а затѣмъ галловъ. Кромѣ того, въ южной Этрурії существовалъ небольшой народецъ фалисковъ (Falisci), близко родственны латинамъ. Сѣверную часть Италіи въ долинѣ рѣки По (Padus) занимали раньше этруски, а потомъ галлы, отъ имени которыхъ она получила название Gallia cisalpina.

Почти отъ всѣхъ народовъ, населявшихъ древнюю Италію, до насъ дошли памятники ихъ языка въ видѣ надписей на камнѣ и металлѣ. Разборъ этихъ памятниковъ показалъ, что они были близко родственны между собой, хотя и въ различныхъ степеняхъ родства. Одни только этруски составляютъ исключеніе. Этрусскія надписи написаны шрифтомъ, представляющимъ собою разновидность греческаго алфавита, а потому легко поддаются чтенію. Но ихъ языкъ составляетъ до сихъ поръ неразрѣшимую загадку, свидѣтельствующую, однако, достаточно убѣдительно о томъ, что этруски были особая нація, совершенно чуждая остальному племениному составу италійскаго населенія. Дѣлались попытки объяснить этрусскій языкъ при помощи всевозможныхъ другихъ языковъ, но всѣ эти попытки остались пока безрезультатными; изъ нихъ особенно любопытно указаніе на нѣкоторыя точки соприкосновенія съ языкомъ египтянъ. Больше всего труда было потрачено на попытку приобщить и этрусковъ къ тому же индоевропейскому племени, къ которому принадлежать всѣ прочіе народы древней Италіи, въ томъ числѣ мессапій на югѣ и галлы на сѣверѣ*).

*) О своеобразности этрускаго языка свидѣствуетъ, напр., слѣдующій фактъ. На одной игральной кости-кубикѣ, начертаны буквами первые шесть

Сравнительное языковѣдніе установило съ полной убѣдительною, что италики родственны не только между собою, но и съ многими другими народами, заселившими еще въ доисторическія времена всю почти Европу, особенно среднюю и южную, отъ Кавказа до Атлантическаго океана, а также и значительную часть Азіи вплоть до Индіи. Такимъ образомъ получилась великая семья народовъ, однородная по своему происхожденію. Ее и принято называть «индоевропейскою», а также «индоевропейскою» или «индогерманскою», въ послѣднихъ двухъ выраженіяхъ по крайнимъ пунктамъ расселенія. Родство этихъ языковъ обнаруживается не только въ сходствѣ грамматическихъ формъ, но также и въ тождествѣ разныхъ словъ, напр. рус. соль--лат. sal--нѣм. Salz, рус. море--лат. mare--нѣм. Meer. Въ наукѣ существуетъ предположеніе, что это сохранилось отъ того времени, когда индоевропейское племя составляло еще одно нераздѣльное цѣлое, единый народъ, пользовавшійся однимъ общимъ языкомъ («праязыкъ»), отъ котораго потомъ, путемъ постепеннаго дробленія, произошли позднѣйшіе частные языки. Высказывались различныя мнѣнія о первоначальной родинѣ («прародинѣ») индоевропейскаго народа: одни искали ее въ срѣдней Азіи*), другіе въ Скандинавіи, третьи въ южныхъ степяхъ нынѣшней Россіи. Позднѣйшее географическое расселеніе народовъ индоевропейскаго происхожденія доказываетъ, что италики составляли одинъ изъ головныхъ отрядовъ, двинувшихся изъ предполагаемой прародины на новыя мѣста. За италиками шли кельты, которые еще въ римскія времена занимали не только нынѣшнюю Галлію, но и Швейцарію, южную Германію и Австрію по линіи Дуная вплоть до Балканскаго полуострова, соприкасались здѣсь съ народами иллирійской отрасли. Такимъ образомъ, расселеніе италиковъ по Аппенинскому полуострову направлялось съ сѣвера**) на югъ. Это движеніе италиковъ въ

числительныхъ: du, ci, ma, za, sa, hu. Но такъ какъ нельзя угадать, съ которой стороны слѣдуетъ начать счетъ, то и остается неизвѣстнымъ, которое изъ этихъ шести словъ означаетъ 1, которое 2 и т. д.

*) Открытый здѣсь недавно „тохарскій“ языкъ, обнаруживающій признаки индоевропейскаго языка западной группы „Kentum“ (въ которой числительное „сто“ начинается съ гортаннаго звука вмѣсто шипящаго звука въ восточной группѣ, напр. въ рус. сто рядомъ съ лат. centum, гдѣ с = k), снова обратилъ вниманіе въ сторону внутренней Азіи, какъ предполагаемой прародины индоевропейскаго племени.

**) Археологическимъ доказательствомъ движенія италиковъ съ сѣвера считаются остатки свайныхъ построекъ (terramare), найденныя въ долинѣ рѣки По. Однако, данныя свидѣлствуютъ лишь о распространеніи этого типа сооруженій съ сѣвера на югъ, но не о принадлежности ихъ непременно италикамъ.

южномъ направленіи продолжалось еще на глазахъ исторіи въ видѣ распространія самнитскаго племени по южной оконечности Италіи.

Итакъ, народы италійской отрасли, въ томъ числѣ и латины съ римлянами, являются пришельцами на почвѣ Италіи. Въ связи съ этимъ возникаетъ вопросъ, застали ли эти пришельцы при своемъ появленіи какое либо туземное населеніе, или же Италія въ тѣ отдаленныя времена представляла еще необитаемую человѣкомъ страну, населенную развѣ только дикими звѣрями. До недавняго времени преобладало послѣднее мнѣніе, особенно благодаря авторитету знаменитаго историка Моммзена. Основаніемъ такого взгляда, высказаннаго Моммзеномъ на страницахъ перваго тома его «Римской исторіи», послужило для него мнимое отсутствіе въ Италіи памятниковъ доисторической археологіи. Первый томъ «Римской исторіи» вышелъ въ срединѣ прошлаго столѣтія. Дѣйствительно, въ то время доисторическихъ памятниковъ почти не было вовсе, но только потому, что тогда ихъ не искали, такъ какъ все вниманіе археологовъ предшествующаго періода было поглощено извлеченіемъ изъ нѣдръ италійской почвы богатѣйшаго матеріала исторической древности, какковы: надписи, памятники скульптуры, остатки построекъ классической эпохи и т. п.; случайныя находки болѣе грубой древности оставались въ пренебреженіи. Однако, когда и въ Италіи наступила очередь доисторическимъ изслѣдованіямъ, то сразу обнаружилось такое обиліе также и этого рода памятниковъ, которое убѣдительно доказывало, что и раньше прихода индоевропейскихъ италиковъ здѣсь существовало мѣстное населеніе, и притомъ достигшее уже извѣстной степени культуры. Огромный матеріалъ, собранный въ книгѣ Модестова: «Введеніе въ римскую исторію», служитъ блестящимъ опроверженіемъ устарѣлаго взгляда Моммзена, неизмѣнно повторявшагося и въ новѣйшихъ изданіяхъ его труда.

§ 3. *Основной составъ римскаго народа.* О существованіи доисторическаго населенія на территоріи римской общины свидѣтельствуетъ удивительная сѣть подземныхъ каналовъ для отвода подпочвенной воды. Самы римляне даже и не подозрѣвали, что холмы ихъ города просверлены такими каналами съ цѣлью оздоровленія мѣстности. Замѣчательенъ также каналъ, служащій для отвода лишней воды изъ албанскаго озера. Врядъ-ли, однако, основаны на древнихъ народныхъ воспоминаніяхъ толки римскихъ ученыхъ о томъ, что раньше римлянъ въ ихъ странѣ жили сикулы или лигуры; совершенно искусственно названіе аборигеновъ (Aborigines).

Если же въ Лаціѣ до прибытія сюда латиновъ существовало туземное населеніе, то спрашивается, куда дѣвались эти автохтоны. Тутъ мыслимы

двѣ возможности: или подѣ натискомъ пришельцевъ, надвинувшихся съ сѣвера, прежнее населеніе ушло далѣе на югъ, какъ это принималось въ теоріи древнихъ о сикулахъ, или же прежніе автохтоны остались на мѣстахъ, порабощенные латинскими завоевателями.

Въ пользу первой возможности можно было бы указать на то, что тѣ культурныя предпріятія по улучшенію территоріальныхъ условій, которыя сохранились отъ доисторическихъ временъ, впоследствии оказались заброшенными и даже забытыми. Таковы упомянутыя выше дренажныя работы по оздоровленію мѣстности въ предѣлахъ города Рима. Объ этой системѣ авторы нигдѣ не упоминаютъ, а также ни въ чемъ не проявляется забота о поддержаніи такого важнаго наслѣдія отъ кропотливаго труда доисторическихъ жителей этихъ мѣстъ. Еще болѣе поразительно ухудшеніе въ области позднѣйшихъ помптинскихъ болотъ. Нѣкогда эти мѣста представляли собою цвѣтущую страну, очевидно, благодаря искусной сѣти водоотводныхъ каналовъ; еще на зарѣ римской исторіи былъ здѣсь сказочный городъ *Suessa Pomelia*, и даже еще въ серединѣ IV в. до Р. Хр. римляне имѣли возможность устроить здѣсь двѣ трибы изъ своихъ поселенцевъ. Но затѣмъ быстро наступило здѣсь полнѣйшее запустѣніе, потребовавшее сооруженія капитальной Аппіевой дороги для сообщенія Рима съ югомъ. Однако, все это можно объяснить не исчезновеніемъ первоначальнаго населенія, а его порабощеніемъ и измѣненіемъ условій жизни подѣ влияніемъ пришлыхъ завоевателей.

Древніе писатели много толковали о томъ, что сикулы, жившіе нѣкогда въ странѣ римлянъ, ушли отъ нихъ въ Сицилію. И дѣйствительно, по этому вопросу имѣются любопытныя параллели, позволяющія сдѣлать опредѣленный выводъ.

1. Денежная система въ Сициліи обнаруживаетъ сдѣбленіе двухъ различныхъ типовъ: аттическаго серебра въ талантахъ и *νόμοι* (лат. *numi* или *nummi*) и туземной мѣди въ литрахъ, причемъ замѣчательно, что греческую систему пришлось приспособить къ мѣстной, а не наоборотъ. Въ соотвѣтствіи съ мѣстной мѣдью въ Сициліи издавно выпускались и серебряныя литры (талентъ=120 литръ, *νόμος*=40 литръ, а литра дѣлилась на 12 унцій. Если такимъ образомъ сицилійскіе греки оказались вынужденными считаться съ туземной денежной единицей сикуловъ, то изъ этого слѣдуетъ, что сицилійскіе автохтоны обладали значительной степенью культуры еще до прибытія грековъ.

Та же самая расчетная система, что у сикуловъ, повторяется и у римлянъ. Также и здѣсь всякая счетная единица (*as*) дѣлилась на 12 частей (*uncia*). И это тѣмъ болѣе знаменательно, что числительныя латинскаго языка, какъ и всѣхъ прочихъ индоевропейскихъ языковъ, постро-

ены по десятичной системѣ въ отличіе отъ той двѣнадцатной (дуодеци-мальной) системы, которая примѣнялась на практикѣ. Ясно, что эта двѣ-надцатная система, неимѣющая себѣ опоры въ самомъ языкѣ римлянъ, явилась у нихъ со стороны. Мало того, помимо самой системы, у римлянъ повторяются здѣсь даже тѣ же самыя слова, что у сикуловъ, а именно: *libra* — *λίτρα*, *uncia* — *ὀγκία*. Мнѣніе (Модестовъ, Введение г;89), что эти слова могли быть заимствованы сицилійцами у римлянъ, не состоя-тельно, такъ какъ эти счетные термины были въ ходу у сицилійцевъ еще въ то время, когда Сиракузы представляли собою уже крупный политиче-скій и торговый центръ въ противоположность къ маленькой римской республикѣ въ варварской странѣ, извѣстной тогда только ближайшимъ сосѣдямъ. Поэтому необходимо искать другого объясненія.

2. Въ латинскомъ языкѣ вообще имѣется множество словъ, совер-шенно темныхъ по своему этимологическому происхожденію, а также и такихъ, которыя поддаются этимологическому толкованію изъ индоев-ропейскихъ корней лишь съ большой натяжкой. Особенно любопытенъ обычный свадебный возгласъ: *talassio*, смыслъ котораго не былъ поня-тенъ уже самимъ римлянамъ*). Весьма странна, напр., формація слова *mulier*, а толкованіе слова *uxor* отъ *veho* страдаетъ явною искусствен-ностью. Такихъ примѣровъ очень много. При этомъ крайне замѣча-тельно, что нѣкоторыя такія слова, которыя трудно объяснить изъ индо-европейскихъ корней, встрѣчаются не только у римлянъ, но и опять у тѣхъ сицилійцевъ; напр. *γέλα*—*gelu*, *λέπορις*—*lepus, oris*, *μοῦτος*—*mutuum*, *κάμπαρον*—*carcer*, *ρόγος*—*rogus*, *κάμπος*—*campus*. Сюда принадлежатъ и выше упомянутыя *λίτρα*—*libra*, *ὀγκία*—*uncia*. Переходъ этихъ словъ въ Сицилію изъ Рима или, наоборотъ, въ Римъ изъ Сициліи немислимъ по географическимъ и историческимъ условіямъ. Возможно только одно объясненіе. Подобно тому, какъ сици-лійскіе греки усвоили не только туземную дуодецимальную сис-тему, но и кое-какія слова изъ языка тамошнихъ сику-ловъ, такъ и римляне могли сохранить въ своемъ языкѣ остатки отъ языка покоренныхъ ими автохтоновъ, родственныхъ сикуламъ; отъ тѣхъ же автохтоновъ могла быть унаслѣдована ими и счетная система. Но все это возможно только въ томъ случаѣ, если покоренные автохтоны остались въ странѣ въ достаточномъ количествѣ.

3. Въ этомъ отношеніи обращаетъ на себя вниманіе одновременное существованіе въ Римѣ двухъ различныхъ классовъ населенія, подвласт-

*) Слово это принимали за собственное имя, причеъ одни гадали на дат. падежѣ и склоняли: *Talassius, i* (Liv. 1, 9, 12) другіе—на имен. и склоняли: *Talassio, onis* (Catull. 61, 134).

ныхъ патриціямъ, именно кліентовъ и плебеевъ. Различіе обоихъ этихъ классовъ держалось прочно еще въ начальныя времена республики; но затѣмъ кліентела исчезаетъ въ видѣ особаго сословнаго положенія, сохраняясь, какъ пережитокъ старины, частью въ формѣ патроната надъ отпущенниками, частью въ видѣ простаго паразитства. Въ гражданско-правовомъ отношеніи кліенты позднѣйшихъ временъ ничѣмъ не отличались отъ плебеевъ. Напротивъ, въ старину положеніе обоихъ этихъ сословій было существенно различно. Кліенты находились въ личной зависимости отъ патриціанскихъ родовъ (Cic. r. p. 2, 9, 16 : *Romulus habuit plebem in clientelas principum discriptas*), въ то время какъ плебеи являлись особою частью населенія, находившагося въ подчиненіи у римской общины вообще, а не отдѣльныхъ *gentes*. Вслѣдствіе этого, по ходячему взгляду, не признающему существеннаго различія между обоими подчиненными сословіями, кліенты считаются частными кліентами патриціевъ, плебеи же—кліентами государственными или царскими. Еще болѣе характерно то, что плебеи, повидимому, искони владѣли землей на правахъ собственниковъ съ подворнымъ хозяйствомъ, какъ видно изъ того, что римская республика, надѣляя плебеевъ новыми участками земли, всегда дѣлала это въ формѣ *assignatio*, т. е. путемъ передачи точно отмежеваннаго участка въ полную собственность частному лицу. Напротивъ, патриціи пользовались землей по типу общиннаго землевладѣнія (*possessio*) съ первоначальнымъ распределеніемъ общинной земли между патриціанскими *gentes*. А ихъ кліенты получали землю отъ того патриціанскаго рода, къ которому они были приписаны (Dion. 5, 40) *). Другими словами, кліенты пользовались землей, которая *de iure* находилась во владѣніи патриціевъ. Соотвѣтственно этому понятно, почему отношенія между кліентами и ихъ патронами опредѣлялись условіями взаимныхъ услугъ. Патроны должны были защищать своихъ кліентовъ передъ судомъ, не будучи притомъ обязаны давать свидѣтельскія показанія во вредъ имъ (Gell. 5, 13, 14 : *testimonium adversus clientem nemo dicit*). А законы XII таблицъ строго карали патрона, обманывавшаго своихъ кліентовъ (*patronus si clienti fraudem faxit, sacer esto*). Съ своей стороны и кліенты были обязаны помогать своему патрону, между прочимъ, даже денежными сборами, если они попадали въ затруднительное положеніе (напр., для выкупа изъ плѣна). А самое главное, изъ кліентовъ же составлялись военныя дружины патриціевъ. Напротивъ, плебеи первоначально, до введенія рефор-

* Cp. Fest. (ep.) Thewr. de Ponor p. 321 : *patres senatores ideo appellati sunt, quia agrorum partes attribuerunt tenuioribus, ac liberis propriis.*